

Меж тем уже прознали в Небесах
О мстительном злодействе Сатаны,
Что в Рай прокрался, принял Змия вид
И Еву от запретного плода
Вкусить склонил, а та ввела в соблазн
Адама. От всевидящего Ока
Творца ничто не может ускользнуть,
Всезнающее обмануть нельзя
Господне сердце, праведен Господь
И мудр во всем, Врагу не запретив
Надежность Человека искушать,
Вооруженного избытком сил
И волею свободной, в полноте,
Достаточной, чтоб ковы разглядеть
Дружков притворных и прямых врагов
И отразить. Всевышнего запрет
Был ведом людям: к этому плоду
Не прикасаться, кто б ни соблазнял.
За непокорство их постигла казнь
(Чего им было ждаться?). Умножив грех,
Ослушники погибли поделом.

Отряды Ангельские, торопясь,
На Небо из Эдема воспарили,
Супругам соболезнуя, грустя
Безмолвно, ибо ведали уже
О их грехопаденье и безмерно
Дивились: как незримый Враг проник
Украдкой в Рай? Когда ж Небесных Врат
Достигла эта горестная весть,
Явили неизбывную печаль
Все лики Эмпирейские, но скорбь,
В глубоком состраданье растворясь,
Блаженство их нарушить не могла.
Вокруг прибывших сонмы собрались
Насельников Небес, чтоб разузнать
Подробности события в Раю,
Но стражи поспешили дать отчет

Пред Высочайшим Троном, доказать
Творцу, что недреманным был надзор.
Как вдруг, среди раскатов громовых,
Из облаков таинственных, воззвал
Всевышний и Предвечный Бог-Отец:
"Вы, Ангельское сонмище! Вы, Силы,
Покинувшие Райские посты,
Где ваш надзор успеха не имел!
Да не смущает вас и не дивит
Случившееся ныне на Земле.
Ни ваши неусыпные труды,
Ни зоркость не могли предотвратить
События, предсказанного Мной,
Когда, бежав из Ада, пересек
Пучину Искуситель. Я прозрел
Его победу, ведал наперед,
Что соблазненный Человек, прельстясь
Коварной ложью, потеряет все,
Поверив наговорам на Творца.
Его гибель не была ничуть
Мной обусловлена. Я не стеснил
Малейшим нагнетеньем ни одним
Его свободной воли, в равновесье
Полнейшем, предоставлена она
Своей склонности. Но Человек

По собственному изволению пал.
За преступленье смертный приговор
Осталось вынести, но упрежденный,
Что в день паденья должен умереть,
Угрозу мнимой счел, поскольку смерть
Его не поразила в тот же миг,
Чего он опасался. Но Адам,
Еще до истечения дня, поймет:
Отсрочка не прощение вины.
Не будет Правосудие Мое
Вослед за Милостью оскорблено!
Кого пошлю судьей? Тебя, Мой Сын
Соцарствующий, коему вручил
Я право суд вершить на Небесах,
Земле и в Преисподней. Усмотреть
Легко, что с Правосудьем пожелал
Я Милосердые сочетать, послав
Посредника и человеколюбца,
Согласного по доброй воле стать
Спасенья ради жертвою, при сем
Спасителем, на Землю низойдя,
Вочеловечиться и воплотиться,
Чтоб Человека падшего судить!"
Так молвив, одесную распахнул
Отец блистанье славы всей Своей
И Сына лучезарно озарил,
Сияньем Сын явил Отца вполне,
С божественною кротостью сказав:

"Тебе решать. Предвечный Мой Отец,
Мне волю Вышнюю творить дано
На Небе и Земле, да утвердишь
Ты на любимом Сыне навсегда
Благоволение Отчее. Сойду
На Землю обвиняемых судить.
Но знаешь Ты: какой бы ни постиг
Их приговор, но горший на Меня
Падет по истечению времен.
Я пред Тобой сей приговор избрал
И не жалею, ибо, обратив
Возмездье на Себя, его смягчу,
Умерю правосудье милосердьем,
Им равно честь воздам, да возблестит
Их слава, да ослабится Твой гнев.
Мне помощи не надо на суде,
Где нет свидетелей, помимо двух
Виновных, третий скрылся, доказав
Побегом преступленье. Он презрел
Законность и заочно осужден.
Улики против Змия ненужны!"

Он с Трона лучезарного восстал,
Сверканьем славы Отчей осиян.
Как свита именитая, за Ним
Престолы, Власти, Силы и Господства
Проследовали до Небесных Врат,
Откуда открывался на Эдем
И на окрестности обширный вид.
Туда он вмиг спустился, быстроту
Божественную временем нельзя
Определить, хотя и на крылах
Оно летит стремительных минут.
С полудня плавно Солнце на закат
Склонялось. Тиховейные ветра,

Что Землю освежают в должный час,
Уже проснулись, вечер возвестив
Прохладный. Охладился также гнев
Того, кто милосердным Судией,
И заодно Заступником, сошел
Изречь над Человеком приговор.
Глас Господа, ходившего в Раю,
До слуха провинившейся четы
Воздушное дыханье донесло
На склоне дня. Услышали они,
И от лица Господня, меж древес,
Укрылись в буйной чаще и воззвал
Господь к Адаму и промолвил так:

"Где ты, Адам, столь радостно приход
Встречавший Мой, узрев издалека?
Отсутствием твоим Я удручен,
И там, куда почтительности долг
Являлся, без призыва, нахожусь
Теперь в уединенье. Предстаю
Не с прежним ли сверканьем? Или, сам
Переменись, ты скрылся? Или ты
Случайно задержался? Появись!"

Явился, Ева нехотя плелась
Второй, а ведь грешить спешила первой.
Чета была уныла, смущена,
Их взор уже любви не выражал
Ни к Богу, ни друг к другу, только стыд,
Отчаянье, сознание вины,
Ожесточенье, ненависть, разлад,
Лукавство и досаду. Наконец
Молчавший в замешательстве Адам
Ответил кратко: "Голос Твой в Раю
Я услышал и убоялся, ибо
Я наг и скрылся!" Кроткий Судия
Сказал безгневно: "Голос Мой не раз
Ты радостно и не боясь ничуть
Слышал, почто теперь он страшен стал?
И кто тебе поведал, что ты наг?
Не ел ли ты от Древа, чьи плоды
Я строго запретил тебе вкушать?"

Адам сказал, снедаемый тоской:
"О Небо! Тяжко мне держать ответ
Пред Судией моим! Неужто грех
Лить на себя приму иль должно мне
Мое второе Я, подругу жизни,
Винить? Она осталась мне верна,
И надо бы ее проступок скрыть
И наказание от нее отвлечь,
Но грозный долг, злосчастная нужда
Велят мне говорить, чтоб грех и казнь
Невыносимым бременем двойным
Не пали на одну мою главу.
Когда б я умолчал, Ты все равно
Открыл бы утаенное. Жена,
Мне созданная в помощь, лучший дар,
Ниспосланный Тобою, воплощенье
Моих желаний, чудо красоты
Небесной, средоточие добра,
Столь дивная, что от ее руки
Я никакого зла не ожидал,
Ее любой поступок был оправдан,

Столь мило совершала их она,
Жена дала мне плод и я вкусил".

Державный Вездесущий произнес:
"Ужель она твой Бог, что оказал
Ты вящую, чем голосу Творца,
Покорность? Разве Ева создана
Твоим вождем, главой, хотя бы ровней,
Что для нее достоинством мужским
Ты поступился, высоту презрел,
На каковую был превознесен
Над Евой, сотворенной из тебя
И для тебя? Ее по статьям всем
Ты превосходишь, дивной красотой
Наделена она, дабы любовь
Твою привлечь, отнюдь не подчинить.
Ее дарам прекрасным надлежит
Под властью быть не властвовать самим.
Твое призванье, твой удел главенство,
Когда бы впрямь себе ты цену знал!"

Затем Он Еву кратко спросил:
"Что, женщина, ты сделала, скажи?"
И Ева, сокрушенная стыдом,
Призналась, но испытывая страх
И слов не находя, пред Судией,
В смущении дала такой ответ:
"Змий обольстил меня, и я вкусила."

Немедля стал чинить над Змием суд
Господь, хоть безъязыкий скот не мог
На Сатану переложить вину,
Который исказил и осквернил
Его предназначение, избрав
Орудьем зла. И так, за естество
Растленное по праву проклят Змий.
Дальнейший смысл от Человека скрыт,
Всю истину ему не должно знать,
Поскольку не убавило б греха
Такое знанье. В сущности, Господь
На Сатану, первопричину Зла,
Направил приговор и поразил
Его в словах таинственных, сочтя
Их наилучшими в те времена,
Он Змию так проклятье возгласил:

"За то, что сделал это, проклят будь
Пред всеми ты скотами, пред зверьми
Земными и на чреве будешь ты
Своем ходить, прах будешь есть все дни
Своей ты жизни. Положу вражду
Отныне меж тобою и Женой,
Меж семенем Жены и меж твоим.
Оно пятой главу твою сотрет,
И жалить будешь ты его в пята!"

Так предвозвещено все, что сбылось,
Когда Марии новой Евы Сын,
Христос узрел, как, молнией с Небес,
Пал Сатана, Князь воздуха, затем
Сын Человеческий, восстав из гроба,
Владычества и Силы одолел
Растленные и в полном торжестве,
В сиянье вознесясь, плененный плен

Повлек по воздуху, который был
Владеньем долголетним Сатаны.
Под нашими стопами, наконец,
Тот сокрушит Врага, кто роковой
Удар ему предвозвестил теперь.
Он женщине решение объявил:
"Умножу, умножая скорбь твою
В беременности, ты детей рождать
В болезни будешь, к мужу твоему
Влечение твое и будет он
Господствовать всецело над тобой."

Адама он приговорил последним:
"За то, что внял жене своей, вкусив
От Древа, о котором Я запрет
Изрек, поведая: от него не ешь! -
В твоих деяньях проклята Земля,
Все дни твоей ты жизни станешь впредь
Питаться в скорби от нее, волчцы
И тернии она тебе взрастит,
И ты кормиться будешь полевой
Травой и в поте твоего лица
Есть будешь хлеб, пока не отойдешь
Обратно в землю, из которой взят,
Зане ты прах и обратишься в прах."

Так Суд вершил Небесный Судия
И Он же наш Спаситель, отдалив
Удар смертельный, возвещенный днесь,
И сжалившись при виде их, нагих,
Открытых воздуху, что должен был
Большие измененья претерпеть,
Не пренебрег от сей поры слугой
Предстать пред ними. Как поздней своим
Он слугам ноги умывал, теперь
Покрыл, подобно нежному отцу,
Их наготу и кожами одел
С животных умерщвленных или с тех,
Кто, словно гады, сбрасывают кожи,
Дабы на молодые заменить.
Не преминув одеть Своих врагов,
Не только внешнюю их наготу
Он кожами прикрыл, но во сто крат
Постыднейшую наготу их душ
Греховных Правды ризами облек
И заслонил от Своего Отца,
Затем, к Нему мгновенно вознесясь,
В блаженном лоне Отчем опочил
Во славе, и Отца, хотя Господь
Всеведущ, о суде оповестив
Над Человеком грешным, за него
Ходатайство умильное добавил.

Меж тем, до преслушанья и суда,
Сидели Грех и Смерть лицом к лицу
У настоять растворенных Адских Врат,
От куда яростный хлестал огонь
В пучине Хаоса, с тех пор, как Враг
Их миновал, пропущенный Грехом.
Уродина, молчание прервав,
Заговорила, к Смерти обратясь:
"Зачем в таком бездействии, мой сын,
Мы, глядя друг на друга, здесь сидим,
Тогда как Сатана, великий наш

Родитель, ратует в иных мирах,
Устроить наилучшее стремясь
Пристанище для нас, любимых чад.
Бесспорно, он желанного достиг,
Поскольку, неудачу потерпев,
Вернулся бы: клеветы Божества
Удобнейшего места не найдут,
Чтоб жажду мести удовлетворить
И покарать мятежника. В себе
Я чую силу новую, крыла,
Сдается, вырастают за спиной,
За гранью этой хляби мне даны
Обширные владения, туда
Сама не знаю что меня влечет,
Симпатия иль соприродной силы
Влияние, способное сопрячь
Явления сходственные связью тайной,
Бездействуя загадочным путем,
Чрез пропасти немереных пространств.
Ты - тень моя и следовать за мной
Обязан. Никакая в мире власть
Не может Грех со Смертью разлучить.
Но чтобы возвращенье Сатаны
Нелегкий перелет не задержал,
Чрез эту неприступную пучину
Непроходимую, вдвоем с тобой,
Отважимся на подвиг, что вполне
Нам по плечу: мы перебросим мост
Над бездною, из Ада, в те края,
Где Сатана владычит, оснуем
Дорогу, памятник соорудим
В честь боевых заслуг подземных войск,
Для них переселенье облегчив
Иль переправу, как решит судьба.
Я в направлении не ошибусь,
Столь властно пробудившийся инстинкт
И тяга, неизвестная досель,
Меня влекут и мной руководят!"

На это Призрак тощий отвечал:
"Иди, куда твой рок тебя ведет
И сила склонности. Не отступлю,
Последуя тебе и не сверну
С дороги нашей общей. Чую дух
Убийства, запах неисчетных жертв,
Вкус умиранья всех живых существ,
Там обитающих. Не откажусь
В труде, предпринимаемом тобой,
Участвовать, напротив, помогу!"
Сказав, он с наслажденьем нюхал смрад
Смертельных изменений на Земле.
Так сонм стервятников за много лиг
От поля, где устроен ратный стан,
Спешит уже заранее туда,
Почуяв запах мертвецов живых,
Которые на смерть обречены
В кровавой сече завтрашнего дня.
Так страшный Морок на ветру, во мгле,
Раздутыми ноздрями поводя,
Добычу обонял издалека.
Затем, стезями розными, они
От Врат Геенны ринулись вперед,
В глубь Хаоса, в пустынный, влажный мрак
Просторов беззаконных и кружа

Над водами, со свойственною им
Великой силой, всё, что средь зыбей
Кишело, плотные ли вещества,
Иль вязкие, швыряемые вверх
И вниз, как в океане штормовом,
Сгребли прилежно, и за валом вал,
К проему Ада, стали с двух сторон
Склубившееся месиво сгонять.
Так два полярных ветра, встречно вея,
В Кронийском море сталкивают льды,
Хрустальными горами заградив
К востоку от Печоры мнимый путь
К богатым берегам Катая. Смерть
Своим холодным и сухим жезлом
Окаменяющим, гремя, долбит,
Как бы трезубцем, груды твердых глыб,
Упрочив их недвижно, так сейчас
Незыблем Делос, бывший в старину
Плавучим, Призрака суровый взор
Горгонский прочее оцепенил.
Страшилища, асфальтом прикрепив
Плотину, равную по ширине
Вратам Геенны, глубоко в нутре
Неизмеримых Адовых глубин,
Над вспененной пучиной возвели
Гигантской аркой мост в один пролет
Чудовищный, что достигал стены
Недвижной мира нашего, - увы,
Беспомощного, ставшего теперь
Поживой Смерти. Так сооружен
Широкий, невозбранный путь прямой
В Геенну. Если малое сравним
С великим, точно так, дабы пленить
Свободных Эллинов, покинул Ксеркс
Чертог Мемнонский в Сузах и дойдя
До моря, Азию связал мостом
С Европой, чрез кипучий Геллеспонт,
И бичевал разгневанные волны.
Воздвигнув дивный мост, что ими был
С искусством понтифическим творим,
Над бурной бездной, цепь висячих глыб
Простерли: Грех и Смерть, по той стезе,
Которую, сквозь Хаос, Архивраг,
Минуя все препоны, проторил,
До места, где, смежив свои крыла,
На обнаженный опустился шар
Вновь созданного мира, там они
При помощи крюков, цепей и скоб
Из адаманта прикрепили мост
И утвердили, прочно чересчур
И крепко. Здесь граничат меж собой,
На малом расстоянье, бранный мир
И Небо Эмпирея, слева Ад,
Клокочущей пучиной отделен.
Пред ними три дороги, что вели
К трем этим областям; они, к Земле
Избрав дорогу, устремились в Рай,
Как вдруг вдали узрели Сатану
В обличье Ангельском; он воспарял
В своем Зените, меж светил Кентавра
И Скорпиона, Солнце той порой
Держало путь в созвездии Овна.
Хотя родитель был преображен,
Но дорогие дети без труда

Отца в личине распознали вмиг.
Он, Еву искусив, скользнул тайком
В лесок ближайший, облик изменил
И за последствиями стал следить
Преступного деянья: видел он,
Как повторила Ева невзначай
Его поступок и ввела в соблазн
Адама, их совместный видел срам,
Пытавшийся бессильною листвою
Прикрыться, но, узрев, что низошел
Сын Божий, чтобы грешников судить,
Бежал, объятый ужасом не чая
Спасения, но прячась от Руки
Карающей и как злодей, страшась
Немедленного гнева Божества.
Опасность переждав, он вновь проник
В Эдем, к чете несчастной, из речей
Унылых, им подслушанных, узнал
О приговоре собственном своем,
О том, что предназначенная казнь
Отсрочена до будущих времен.
Теперь же, с вестью радостной спеша
В Геенну, он завидел на краю
Пучины, где устой береговой
Чудеснейшего нового моста
К стене Земной Вселенной примыкал,
Из Ада вышедших к нему навстречу
Потомков милых. Сколь ни велико
Их было ликование, но вид
Пролета дивного во много раз
Восторг Врага усилил, он застыл
Надолго в изумлении, пока
Его очаровательная дочь,
Красавица пленительная Грех,
Не молвила, нарушив тишину:

"Отец! Твой это подвиг, твой трофей!
Зачем же ты взираешь на него
Как на творенье посторонних рук?
Ты первый зачинатель, первый зодчий.
Я сердцем, бьющимся в одном ладу
Таинственном с твоим, к нему навек
Привязанная силой нежных уз,
Прознала, как успешно на Земле
Ты действовал, о чем сейчас твой взор
Твердит, и разделенная с тобой
Вселенными, почувствовала вдруг,
Что мне и сыну твоему пора
К тебе, так роковая нас троих
Закономерность вяжет. Ад не мог
В своих пределах дольше нас держать,
И Хаоса непроходимый мрак
Не помешал нам по твоим следам
Идти преславленным. Ты освободил
Нас, пребывавших взаперти, внутри
Затворов Адских, ты нам силу дал
Над хлябью темной дивный мост воздвигнуть.
Твой нынче этот мир. Ты приобрел
Отвагой то, чего не создал сам.
Ты мудро, с прибылью, вернуть сумел
Утраченное в битвах и вполне
Отметил за наш разгром на Небесах,
Где царства ты не смог завоевать,
Зато ты будешь самодержцем здесь.

Пусть Победитель в Небесах царит
И пусть покинет новозданный мир,
Который собственным Своим отверг
Он приговором. Пусть отныне власть
Над мирозданием делит Он с тобой,
Свой Эмпирей квадратный оградив
От мира шаровидного, где ты,
Господствуя, опаснее грозишь
Его Престолу, чем во дни войны."

Князь Тьмы в восторге отвечал: "О дочь
Прекрасная и ты, мой сын и внук!
Отменно доказали вы родство
Со мною, Сатаной, ведь я горжусь
Таким прозванием, будучи врагом
Всесильного Небесного Царя.
Вы государству Адскому и мне
Бесценную услугу оказали,
Триумф мой триумфально увенчав
Постройкой величавой, мой успех
Успехом вашим и притом вблизи
Небесных Врат, вы сочетали Ад
И здешний мир в единый материк,
В единую империю с прямым
Удобным сообщением. Я спущусь
По вашему широкому пути
К союзным легионам, отнесу
Известие о великом торжестве
И с ними ликование разделю.
Тем временем вы следуйте стезе
Своей и меж бесчисленных шаров,
Отныне ваших, низойдите в Рай
И завладейте, основавшись там,
Землю, воздухом, но Человеком
Особенно, ведь он провозглашен
Хозяином всего, что создал Бог.
Его поработите, а потом
Убейте. Шлю наместниками вас
На Землю, небывалые права,
Что мне принадлежат, вам отдаю
Всецело. От сплочения ваших сил
В дальнейшем власть моя зависит здесь,
В державе новой, покоренной мной
И Смерти, при содействии Греха,
Врученной. Аду не грозит ущерб,
Пока вы действуете заодно.
Ступайте же и твердыми пребудете!"

Он смолк и отпустил свирепых чад,
Рванувшихся немедля, среди густых
Созвездий, отравляя все вокруг.
От яда меркли звездные рои.
Планеты сталкивались, претерпев
Затмение истинное. Между тем
Избрал тропу иную Архивраг,
Спускаясь по гигантскому мосту
К Вратам Геенны. Хаос грохотал,
Преградою разъятый, гребни волн
Ревущих вздыбливая с двух сторон,
На мостовую арку их кидал,
Презревшую Пучины тщетный гнев.
Достигнув цели, в Адские Врата,
Распахнутые настезь и никем
Не охраняемые. Сатана

Проследовал. Повсюду никого.
Привратники покинули свой пост
И оба отлетели в верхний мир,
Другие удалились в глуби недр
Геенны, в Пандемониум, к стенам
Столицы горделивой Люцифера
(Так Сатану прозвали в честь звезды
Блестящей, сходной с ним), там на часах,
Стояли легионы, а вожди
В совете заседали, во дворце,
Тревожась: что могло бы их царя
Столь долго задержать? Так повелел
Он, отходя, и все приказ блюли.
Как по снегам, в степях, бежит орда
Татарская от русского меча
За Астрахань, как от рогов луны
Турецкой, оставляя за собой
В развалинах владенья Аладула,
Отходит на Тавриз или Казвин
Сефи Бактрийский, так враги Небес
Низвергнутые, кинув позади
В опустошенье, мрачные края
Обширные, близ Адских рубежей,
В глубины отступили и сошлись
У стен столицы, город окружив
Охраной, ожидая всякий час
Возврата царственного смельчака,
Искателя неведомых миров.
Оборотившись Ангелом простым,
Как рядовой воитель, сквозь толпу,
Неузнанный, пробрался он в чертог
Плутонский и невидимо вступил
На возвышавшийся в другом конце,
Под балдахин из бесценной ткани,
Великолепный королевский трон.
Там восседал он, озирая зал,
Сам будучи незримым, наконец,
Как бы из облака, возникла вдруг
Его пылающая голова,
Затем он весь, блистая, как звезда,
Предстал воочью, если не светлей,
Не то поддельным блеском осенен,
Не то ему оставленной в Аду
Былою славой. В изумленье рать
Стигийская, слепящий свет узрев,
Могучего узнала главаря,
Столь долгожданного. Раздался клик
Восторженный. Великие князья,
Диван расстроив мрачный, второпях
К Владыке Ада бросились толпой
С приветом радостным. Он подал знак
Рукой к молчанию и начал речь,
Всеобщее вниманье приковав.

"Престолы, Силы, Власти и Господства!
Отныне эти громкие чины
Вам по владениям принадлежат,
Не только на словах. Я преуспел
В задуманном, превыше всех надежд,
И воротился, чтобы с торжеством
Вас вывести из этих Адских недр,
Проклятой, мерзостной юдоли бед,
Застенка нашего Тирана. Мир
Обширный достояньем вашим стал,

Немногим хуже отчины Небесной,
В опасностях великих и трудах
Добытый мною. Долго б довелось
Повествовать о том, что претерпел,
С какой натугою пересекал
Пучину невещественную, хлябь
Безмерную, где правит искони
Разлад ужасный, ныне Грех и Смерть
Соорудили там широкий мост,
Дабы ваш славный облегчить исход.
Но должен был я силою торить
Безвестный путь и бездну укрощать
Неодолимую. Я глубоко
В несотворенной Ночи утопал
И в диком Хаосе; они, ревнуя
О сокровенных таинствах своих,

Неистово препятствовали мне
В неведомом скитанье и к Судьбе
Властительной взывали, вопия
Отчаянно. Не стану длить рассказ
О том, как посчастливилось найти
Мир новозданный, о котором шла
На Небесах давнишняя молва,
Изделье совершенное вполне
И чудное, где Человек в Раю
Устроен и блаженным сотворен,
Ценой изгнанья нашего. Хитро
Его прельстил я преступить Завет
Создателя и чем его прельстил?
Вас несказанно это изумит,
Вообразите: яблоком! Творец,
Проступком Человека оскорбясь
(Что смеха вашего достойно), предал
Любимца Своего и заодно
Весь мир в добычу Смерти и Греху,
А следовательно и нам во власть.
Без риска, опасений и труда
Мы завладели миром, чтобы в нем
Привольно странствовать и обитать
И Человеком править, как бы всем
Всевышний наш Противник правил сам.
Я тоже осужден, вернее, Змий,
В чьем образе я Человека вверг
В соблазн и вынесенный приговор
Вражду провозглашает между мной
И Человечеством, его в пята
Я буду жалить, а оно сотрет
Мою главу (не сказано когда).
Но кто б не согласился обрести
Вселенную, хотя б такой ценой,
Ценой потертости иль тяжелейшей?
Вот краткий мой отчет. А что теперь
Вам, боги, остается, как не встать
И поспешить в блаженную обитель!"

Умолкнув, чаял он согласный клич
Восторга и рукоплесканий гром
Услышать лестный, но со всех концов,
Напротив, зазвучал свирепый свист
Несметных языков презренья знак
Всеобщего. Владыка изумлен,
Но не надолго, ибо сам себе
Он вскоре изумился, ощутив,

Как ссохлось, удлиненно заострясь,
Лицо, и к ребрам руки приросли,
И ноги меж собой перевились
И слиплись. Обезножев, он упал
Гигантским Змием, корчась и ползя
На брюхе и пытался дать отпор,
Но тщетно, Сила высшая над ним
Господствует, осуществляя казнь
В том образе, который принял он,
Ввергая Прародителей в соблазн.
Враг хочет молвить, но его язык
Раздвоенный шипеньем отвечал
Раздвоенным шипящим языкам.
Его сообщники по мятежу
Отважному равно превращены
В ползучих змиев! Свистом весь чертог
Стозвучным огласился. Вкруг Врага
Кители густо чудища, сплетя
Хвосты и головы: бессчетный сонм
Зловещих Аспидов и Скорпионов,
Керастов рога носных, Амфисбен
Ужасных, злобных Эллопов, Дипсад
И Гидр (в количестве не столь большом,
Скользя, клубились гады на земле,
Где кровь Горгоны древле пролилась,
И остров Офиуза не давал
Убежища таким скопльням змей).
Но был наикрупнейшим Сатана
В драконьем образе, превосходил
Нифона он, что Солнцем зарожден
В пифийском доле илистом, но власть
Отступник не утратил: все Князья
И Полководцы следуют за ним
На площадь, где Гееннские войска,
Отверженцы Небес, блюдя ряды,
Во всеоружье восхищенно ждали
Победного явления Вождя,
Увенчанного славой, но узреть
Им довелось противное: толпу
Презренных гадин. Ужас обуял
Мятежников, почувствовавших вдруг,
Что под влияньем страшного сродства
Невольню превращаются теперь
В подобья тех, кто взорам их предстал.
Броня, щиты и копыя, грохоча,
На землю падают, за ними вслед
И сами воины. Раздался вновь
Свирепый свист, змеиный, гнусный вид
На всех, как заразительная хворь,
Равно распространился, покарав
Равно преступных. Так рукоплесканья
Желанные, преобразясь во свист,
В шипенье злобное из тех же уст,
Принудили самих бунтовщиков
Свое же опозорить торжество.

Во время превращения, вблизи,
По воле Божьей роща поднялась,
Для вящей казни бременем плодов
Отягощенная, подобных тем,
Которыми была искушена
Праматерь. Это чудо привлекло
Вниманье оборотней, взоры их
Несытые недвижно приковав.

Казалось им, что множество древес
Запретных вместо Древа одного
Взросло, усугубляя их позор
И бедствие, но голодом они
Невыносимым и палящей жадой
Снедаемые, вызванными в них
Для соблазнения, ринулись толпой
К деревьям и виаьсь вокруг стволов,
Вползали, гуще ветви облепив,
Чем голову Мегеры завитки
Кудрей змеиных, алчно торопясь,
Срывали дивные на вид плоды
Подобья тех, что возле берегов
Асфальтового озера росли,
Где яростный пожар пожрал Содом,
Но адские плоды их затмевали
Обманчивостью и ввели в обман
Не только осязанье, но и вкус.
Лишь только оборотни голод свой
Пытались безрассудно утолить,
Как лживый мякиш в пастях мнимых змей
Горчайшим пеплом становился вдруг,
И глотки оскорбленные, хрипя,
Его немедля изрыгали вон,
Но мучимые голодом и жадой,
Опять вкушали гады мерзкий яд,
Сводивший челюсти, жевали вновь
Золу и пепел едкий, многократно
Пред искушением не устояв,
Не то, что Человек, хотя над ним
Враги торжествовали, но в соблазн
Он лишь однажды впал и долгий срок
Злосчастных мучил вынужденный свист
И голод изнуряющий, пока
Им прежний облик не вернул Господь.
Но говорят, они обречены
И впредь в назначенные дни в году
Такое поругание терпеть,
Дабы их омрачилось торжество
По поводу прельщения людей,
Но демонам побаску удалось
Среди язычников распространить:
Мол, некий Змий, что звался Офион,
Совместно с Евриномою никак,
Подобьем Евы алчной управлял
Олимпом древле, а затем Сатурн
И Опс их низложили, до рожденья
Диктейского Юпитера. Меж тем
Гееннская чета вступила в Рай
С чрезмерной быстротой. Дочь Сатаны,
Чье имя Грех, возможная сперва,
Затем возникая и наконец,
В Эдем явившаяся во плоти,
Чтоб жительницей постоянной стать,
Достигла первой Райских рубежей,
А по ее следам, за шагом шаг,
Шел тощий Призрак Смерть, что не успела
Еще воссесть на бледного коня.
Дочь Князя Тьмы сказала: "О, второй
Потомок Сатаны! О, всепобедный
Губитель! Что ты думаешь теперь
О царстве нашем, хоть оно трудом
Добыто тяжким? И не лучше ль здесь,
В земных владеньях новых, пребывать,

Чем стражами сидеть у Адских Врат,
В неизвестности, где не страшались нас,
Где голод самого тебя морил?"
Ужасный сын Греха сказал в ответ:
"Я вечно голоден и мне равны
И Ад, и Рай, и Небо, хорошо
Мне там, где я добычей поживлюсь
Обильнейшей. Хоть много здесь еды,
Ее не хватит, чтоб желудок мой
Набить прожорливый и мой костяк
С обвисшей, дряблой кожей отолстить."

В ответ кровосмесительная мать
Сказала: "Ты сперва кормись травой,
Плодами и цветами, а потом
К животным, рыбам, птицам перейди,
Снедь недурная! Пожирай подряд
Нещадно все, что Времени коса
Срезает! Между тем обоснуюсь
Я в Человеке и в роду людском
Их мысли, мненья, речи и дела
Собою заражу и для тебя
Последнее из вожделенных яств,
Наисмачнейшее приуготовлю!"
Промолвив так, уроды разошлись
Различными путями, чтоб губить
Живые твари, отнимать у них
Бессмертье, жертвы наступать везде
И раньше или позже предавать
Истленью. Видя это, Бог-Отец
С Престола горнего, в кругу святых,
Вещал пресветлым Ангельским чинам:
"Глядите, с ярым бешенством каким
Два адских пса опустошить спешат
И уничтожить новозданный мир,
Столь совершенным сотворенный Мной,
Столь дивным! Я бы вечно охранял
Его красоты, если б Человек,
В безумье, Фурий не впустил сюда
Губительных, дерзнувших возомнить
Меня безумным. Так считают Князь
Геенны и клеветы Сатаны,
Затем, что им проникнуть попустил
В обитель преблагую, разрешив
Землей прекрасной завладеть легко,
И якобы способствовать готов
Успеху наглых недругов Небес,
Смеются надо мною: мол, в сердцах,
Ожесточась, Я этот мир отверг
И отдал на бесовский произвол
И разорение. Им невдомек,
Что адских псов моих Я сам призвал
Всю мерзость вылизать и грязь пожрать,
Которыми святыню осквернил
Преступный Человек, пока, набив
Ужасной снедью брюха и давясь,
Пресытясь, переполнившись, едва
Не лопнув от подлизанных мерзот
И съеденных огрызков, Грех, и Смерть,
И Гроб зияющий, одним ударом
Твоей руки победной, о Мой Сын
Любимый, будут сброшены сквозь мрак
Пучины Хаоса и канут в Ад,
И пасть Гееннскую замуравав,

Прожорливые челюсти замкнут
Печатью, нерушимую вовек.
Тогда Земля и Небо, обновясь,
Очистятся и скверне никакой
Их святость непричастна будет впредь;
Но до тех пор Мое проклятье в силе!"

Он кончил и Небесный грянул клир
Согласно: "Аллилуйя!" Словно гул
Бушующих морей, звучала песнь
Хваленья: "Праведны Твои суды
И праведны решения для всех
Созданий! Кто возможет умалить
Всевышнего?" Потом несметный хор,
Ликуя, Сына Божьего восславил,
Грядущего Спасителя людей,
Который небо новое и Землю
Явит в веках иль низведет с Небес.
Так пели Духи. Между тем Творец
Могучих Ангелов по именам
Призвал и, сообразно мировым
Законам нынешним, назначил труд
Особый каждому. Они сперва
Велели Солнцу так ходить, светя,
Чтоб на Земле чередовались жар
Несносный и подобный же мороз,
Зима седая с Севера на зов
Должна являться, с Юга летний зной
Солнцестоянья. Бледный шар Луны
К своим обязанностям призван был,
Пяти другим планетам их круги
Предписаны, вращения и аспекты
На шесть частей, четыре и на три
И противостоянья, что сулят
Беду и сроки определены
Зловещих сочетаний, сонму звезд
Недвижных сказано, когда струить
Влиянье пагубное и какой
Звезде, взойдя при Солнце иль зайдя,
Способствовать возникновенью бурь,
И ветры были по своим местам
Расставлены, им даден был указ
Когда реветь, вздымая берега,
Моря и воздух, гром оповещен,
Когда ему свирепо рокотать
В своем воздушном, пасмурном дворце.
Одни твердят, что Ангелам Господь
Земные сдвинуть полюсы велел
На двадцать с лишним градусов, с великим
Трудом они центральный этот шар
Столкнули вкось. Иные говорят,
Что Солнцу было ведено свой бег
От равноденственной стези сместить
На тот же самый угол и Тельца
Минуя, и сестер семь Атлантид,
Все выше возноситься, к Близнецам
Спартанским и тропическому Раку,
От туда предпринять обратный путь,
Ко Льву спуститься, Деву и Весы
Оставить позади и донестись
До Козерога, областям земным
Даруя смены годовых времен,
Иначе непрерывная весна
Земле бы улыбалась круглый год

Цветами, дни равнялись бы ночам,
За исключением полярных стран,
Где день безнощный вечно бы светил,
Поскольку Солнце низкое, взамен
Большого расстоянья от Земли,
Ходило б незакатное, кружа
По горизонту, Запад и Восток
Безвестны были б жителям, снегов
И стужи бы не знал Эстотиланд,
А также отдаленные края
На юг от Магелланова пролива.
В проклятый миг вкушения плод
Сменило Солнце путь, как бы узрев
Тиестов пир: иначе как бы мог
Еще безгрешный, населенный мир
Являющей стужи, знойной духоты
Избегнуть, неминуемых теперь?
Хоть перемена средь небесных сфер
Была неспешной, вскорости она
Явленья следственные повлекла
На суше и на море: звездных бурь
Неистовство, миазмы и пары
Тлетворные, туманы, облака,
И воздух стал зловредным и чумным.
От Норумбеги северной, от гор
Суровых, самоедских берегов,
Круша затворы медные, Борей
И Кекий шумный, Фракий и Аргест
Ревучий, бури взяв на рамена,
Вооружившись градом, снегом, льдом,
Гнетут леса, морей вздымают глубь.
Навстречу, с Юга, к ним стремится Нот
И черный Африк от Сьерра-Леоне,
Гоня громады громоносных туч,
Их путь пересекает поперек;
С восхода и заката Эвр, Зефир
Свирепствуют, нисколько не слабей,
А вкупе с ними свищут им в бока
Сирокко и Либеккио. Сперва
Средь неживой природы разожглось
Неистовство, но дочь Греха Вражда,
Посредством Злобы, вскоре привела
Смерть к бессловесным тварям. Зверь восстал
На зверя, птицы кинулись на птиц,
И рыбы ополчились против рыб.
Отвергли все растительную снедь
И начали друг друга пожирать.
Пред Человеком твари с этих пор
С почтеньем не стояли, но стремглав
Бежали прочь, не то ему вослед
Косились яростно. Таков зачин
Бессчетных внешних бедствий и Адам
Их умноженье часто примечал,
Хотя в непроницаемой тени
Укрылся жертва скорби, но в душе
Горчайшую он чувствовал беду
И ввержен в бурный океан страстей,
Пытался облегченье тяжких мук
В печальных сетованьях обрести:

"О, пагуба счастливец! Юный мир
Преславный, неужели он исчез,
И я, венец недавний этой славы,
Былой счастливец, проклят, принужден

От Божества скрываться и бежать,
Чье лицемерье было искони
Моим блаженством высшим? Но прийму
Злосчастный жребий, горькую судьбу,
Когда б на этом исчерпалась казнь,
Я поделом наказан и стерплю
Заслуженную кару, но конца
Ей нет, все то, что выпью или съем,
Все то, что от моих родится чресл,
Подвержено проклятью. О, слова,
Столь сладостно звучавшие: "Плодитесь
И множьтесь!" Нынче страшно им внимать!
Что множить и плодить мне суждено,
Помимо новых на мою главу
Проклятий? Кто в грядущие века,
Терзаясь мною навлеченным злом,
Проклятье на меня не обратит,
Воскликнув: "Горе, Праотец, тебе,
Адам нечистый! Вот благодарить
Кого нам надобно!" Проклятьем впредь
Признательность мне будут выражать,
И кроме собственного, на меня
Проклятья всех потомков как шальной
Обрушатся отлив, соединясь
В природном средоточье и хотя
На место надлежащее падут,
Падут в среду родную тяжким грузом.
О, мимолетные улады Рая,
За вас я вечным горем заплачу!
Просил ли я, чтоб Ты меня, Господь,
Из персти Человеком сотворил?
Молил я разве, чтоб меня из тьмы
Извлек и в дивном поселил Саду?
Но если к собственному бытию
Я волей не причастен, то велят
Закон и справедливость обратить
В первоначальный прах меня опять.
Я этого хочу, Твои дары
Вернуть желаю, не имея сил
Безмерно трудные Твои блюсти
Условия, на коих бы возмог
Дарованное благо удержать,
Которого я вовсе не искал.
Утраты этой было бы вполне
Достаточно для кары, так зачем
Ты безысходную прибавил скорбь?
Твой суд непостижим. Но, говоря
По правде: слишком поздно я ропщу,
Мне надо бы условия отклонить
Заранее. Бедняк! Ты принял их.
Никак, хотел ты благом завладеть,
А после опорочить договор?
Без твоего согласия создал Бог
Тебя, но если б твой ослушный сын
На обличенье возразил отцу:
"Зачем ты дал мне жизнь? Я не просил
Об этом!" разве дерзостный ответ
Ты принял бы? Ведь сын твой порожден
Не прихотью твоей, но естеством,
Тебя ж хотеньем Собственным воздвиг
Творец и на служение Себе
Избрал, от Божьей милости была
Твоя награда, посему Он прав
Любую казнь тебе определить.

Я покоряюсь. Верен Божий суд
И беспорочен приговор. Я прах
И отойду во прах. О, жданный миг,
Когда б ни грянул! От чего же длань
Господня медлит казнь осуществить,
Назначенную в день Грехопаденья?
Почто живу я дольше, не пойму,
Почто, карая смертью, длит Господь
Мне жизнь и наказанье заодно
Неумирающее? Я готов
С восторгом встретить смерть и стать землей
Бесчувственной, в нее блаженно лечь,
Как в лоно материнское! Покой
Я там вкусил бы и сладчайший сон
Невозмутимый и в моих ушах
Грозящий голос Божий, словно гром,
Не грохотал бы, страх бы не терзал
Прозреньем худших бедствий для меня
И для моих потомков. Лишь одним
Смущен: быть может, я не весь умру,
И чистое дыханье жизни, дух
Живой, который Бог в меня вдохнул,
Не будет уничтожен, наряду
С телесной оболочкой, и тогда
В могиле, а не то в ужасном месте
Другом (кто знает?), вживе суждено
Мне умирать. Чудовищная мысль,
Коль скоро истинна! Но почему?
Ведь грех дыханьем жизни совершен,
Так что же смертно, если не душа,
Причастная и жизни и греху,
Поскольку плоть безжизненна, безгрешна?
И так, умру я весь. На этом пусть
Сомненья успокоятся. Постичь
Дальнейшее людской не в силах ум.
Бог бесконечен, но неужто мечь
Господня бесконечна? Не таков
Приговоренный к смерти Человек.
Как может Бог обрушить вечный гнев
На тварь конечную, чье бытие
Смерть пресекает? Может ли Господь
Бессмертной сделать смерть? Но этим Бог
В противоречье странное впадет,
Что невозможно даже для Творца
И слабость означало бы скорей,
Чем всемогущество. Ужели Он
Изволит, ради мести, вознести
Конечное в казнимом Человеке
До бесконечного, чтоб утолить
Гнев ненасытный, и продолжить казнь
Сверх меры персти бренной, преступив
Закон Природы, каковой гласит,
Что действие причин подчинено
Не протяженью сфер, присущих им,
Но свойствам и возможностям вещей,
Подверженных причинам. Ну, а вдруг
Смерть вовсе не единственный удар,
Все чувства отнимающий зараз,
Как думал я, но мук безмерных ряд,
Что непрерывно множатся, растут,
Я их сегодня начал ощущать
В себе и вне себя и эта боль
Продлится до скончания времен.
О, горе! Страх, подобно грому, вновь

Мою незащищенную разит
Главу! И так, навек воплощены
В единстве нераздельном я и смерть.
Но не один я отягчен судьбой,
Во мне потомство проклято мое.
Прекрасное наследье, сыновья,
Вам откажу! О, если б, расточив
Его дотла, оставил вас ни с чем,
Меня благословили б вы, лишась
Смертельного подарка, но теперь
Лишь проклянете! Отчего за грех,
Одним свершенный, будет род людской,
Невинный, совокупно осужден?
Невинный ли? Что может от меня
Родиться, кроме с ног до головы
Растленных поколений, ум и воля
Которых, в непотребстве закоснев,
Не только станут грех мой повторять,
Но и к нему стремиться? Разве им
Возможно оправданье обрести
Пред ликом Господа? Но, перебрав
Сомненья все, я должен оправдать
Всевышнего, и сколько б я ни сплел
Уловок ложных, доводов пустых
И тщетных умствований, - все ведут
К воззрению твердому: виновник сам
Я первый и последний, корень зла
И порчи лишь во мне, хула должна
Пасть на меня, о если бы и гнев
Сразил меня, единого! Мечта
Безумная! Ты в силах ли снести
Безмерный груз, тяжело всей Земли,
Вселенной всей, хотя б с твоей женой
Прескверной это бремя разделил?
Все, что тебя прельщает и страшит,
Надежду на прибежище равно
В зачатке губит. Не было и нет
Несчастнее тебя и не сыскать
Ни в прошлом, ни в грядущем образца
Такой беды. Возмездьем и грехом
Ты уподоблен только Сатане.
О, Совесть! В бездну ужаса и мук
Меня ты ввергла, я не нахожу
Исхода, падая все глубже, глубже!"

Так, сам с собою, вслух роптал Адам
В глухой ночи, что боле не была
Целебной, кроткой, свежей, как досель,
До преслушанья, черный воздух в ней
Теперь царил, с туманом наряду
И наводящей трепет, влажной мглой,
Где Совести нечистой все вокруг
Казалось ужасающим вдвойне.
Адам лежал, простершись, на земле,
На ледяной земле и проклинал
Свое рожденье, упрекая Смерть
За то, что медлит казнь осуществить.
Он вопрошал: "Зачем ты, Смерть, нейдешь,
Чтоб трижды вожделенным покарать
Меня ударом? Истина ужель
Свое нарушит слово? Божий суд
Ужель неправосудным хочет стать?
Но Смерть не поспешает на призыв,
И несмотря на вопли и мольбы,

Не ускоряет медленных шагов
Небесный суд. О, рощи я леса,
Источники, долины и холмы,
Я вас еще недавно обучал
Иными отзвуками отвечать
На голос мой, совсем иную песнь
Приветно повторяла ваша сень!"

В отчаянье сидела в стороне
Понуро Ева, муки увидав
Адама, подошла к нему, стремясь
Утешной речью скорбь его смягчить,
Суровым взором он жену отверг:
"Прочь с глаз моих, змея, пристало так
Тебя наречь за то, что ты в союз
Вступила с Гадом. Ненавистна ты
И лжива, словно Змий, недостает
Обличья лишь и цвета, чтоб, явив
Коварство скрытое, предостеречь
Созданья прочие: не доверять
Твоей небесной внешности, дабы
Она, лукавство адское тая,
Сетями не опутала бы их.
Я был бы вечно счастлив без тебя,
Когда б не спесь твоя, пустая страсть
Бродяжить не отвергли б наотрез
Остережений мужа, в грозный миг
Опасности, сомненьем оскорбясь
Моим оправданным. Ты показать
Себя возжадала хоть Сатане,
Мечтая провести его, но Змием
Была обманута, а я тобой.
Я, созданной из моего ребра,
Тебе поверил, стойкой, мудрой счел,
Благоразумной и от козней всех
Предохраненной, разгадать не смог,
Что это не душевные твои
Достоинства, но только внешний блеск,
Что ты ребро не боле и к тому
Кривое от природы, да и влево
Наклонное, как вижу я теперь,
От куда взято, лучше бы его
Отбросить сразу, ежели в числе
Излишним оказалось! О, зачем
Творец премудрый Небеса Небес
Мужами Ангелами заселил
И напоследок создал на Земле
Новинку обольстительный изъян
Природы? От чего подлунный мир
Мужчинами одними не наполнен,
Как Небо Духами, где женский пол
Отсутствует? Ужель других путей
Продолжить род людской Он не сыскал?
Тогда бы не стряслось такой беды
И много худших, будущих невзгод,
Бессчетных смут последствий женских ков
И связей с женщинами, ибо муж
Подругу подходящую вовек
Не обретет, довольствуясь женой,
Которую просчет и неуспех
Ему дадут, желанную добыть
Ему удастся редко, по вине
Ее непостоянства, узрит он,
Что легкомысленница предпочла

Не столь достойного, а если даже
Взаимностью ответит на любовь,
Ей воспрепятствуют отец и мать,
Иль поздно он избранницу найдет,
Цепями брака скованный с другой,
Жестокой, ненавистной и позор
Навлекшей на него. Отсюда жизнь
Людская будет горестей полна
Несметных и разбит семейный мир!"

Он смолк и отвернулся, но в слезах,
С развихренными прядями волос,
Не отступала Ева и к ногам
Адамовым униженно склонись,
Их обняла, о милости моля:

"Не покидай меня! Свидетель Небо,
Насколько я люблю тебя и чту
Сердечно! Неумышленно ты мной
Обижен, по несчастью оскорблен!
Обняв твои колена, я прошу
Смирненно: нежных взоров не лишай
Страдалицу, - всего, чем я жива,
Благих советов, помощи твоей
В безмерной этой скорби. Ты один
Мне сила и опора, без тебя
Куда я денусь? Где ухоронюсь?
Пока мы живы, может, краткий час,
Да будет лад меж нами. Долей злой
Сплоченные, сплотимся же тесней
Противу ненавистного Врага,
Которого явил нам приговор,
Противу Змия лютого! За всё,
Что нас постигло, не питай вражды
Ко мне, погубленной и превзошедшей
Тебя в несчастье. Оба мы грешны:
Пред Богом ты, но я грешна вдвойне,
Пред Богом и тобой. Вернись туда,
Где осудили нас, там вопиять
Я стану, докучая Небесам,
Чтоб отстранился от твоей главы
Их приговор и лишь меня разил
Единую виновницу невзгод
Твоих! И пусть меня, одну меня
Карают справедливо ярость Божья!"

Она, рыдая, смолкла. Вид жены
Униженной и распростертой ниц,
Прощенья ждущей за вину свою,
В слезах осознанную, наклонил
Адама к жалости и сердце он
Смягчил над кающейся, что досель
Отрадой лучшей для него была
И жизнью всей, а ныне, сокрушась,
У ног его молила отпустить
Обиду, нанесенную ему.
Столь привлекательное существо
Умильно заклиняло прежний лад
Восстановить, советами помочь!
Адам обезоружен, вскоре гнев
Его остыл, подругу приподняв,
Он с кротким словом обратился к ней:
"Беспечная! Торопись опять
В желаньях безрассудных! Понести

Ты хочешь кару общую одна,
Увы! Сперва свою принять изволь,
Во всем объеме Божий гнев стерпеть
Не в силах ты, коль нынче, восприяв
Лишь долю малую, так тяжело
Досадою моей удручена.
О, если бы ходатайства могли
Переменить решенья Божества,
К судилищу, тебя опередив,
Я поспешил бы, громче бы молил
Со мной расправиться и пощадить
Твой легкомысленный и слабый пол,
Мне вверенный и небреженный мной!
Но подымись! Не будем осуждать
Друг друга, мы и так осуждены.
Не лучше ль нам в любви соревноваться:
Как бремя горя нашего верней
Взаимно облегчить, ведь смертный срок,
Нам возвещенный, не наступит вдруг,
Но ежели я правильно сужу,
К нам будет шаг за шагом это зло,
Как вечер угасающего дня,
Неспешно близиться, усилив гнев
Страданий, что достались нам в удел
И нашему несчастному потомству!"

В ответ сказала Ева, ободрясь:
"Меня печальный опыт научил,
Сколь малую ты цену придаешь
Моим словам, что оказались впрямь
Оплошными, их затаенный вред
Дальнейшими событиями доказан.
Но как я ни грешна, ты мне опять
Вернул благоволенье и приязнь,
Надеясь и любовь твою вернуть,
Единственную в жизни или смерти
Отраду сердца, я не утаю
Раздумий, что р смятенной родились
Моей душе и могут облегчить
Страданья наши или их пресечь.
Мучителен, прискорбен этот путь,
Но все же с нашим горем не сравним
И легче на него решиться нам.
Коль мы судьбой грядущей смущены
Потомства, обреченного страдать
И умереть (печально быть виной
Злосчастья племенам от наших чресл,
Произвести на гнусный этот свет
Бездольных отпрысков, которым жить
В скорбях придется, пищей под конец
Проклятому чудовищу служа),
Ты властен окаянными племенам
Не дать родиться, их не зачинать.
Бездетен ты останься таковым,
Прожорливую Смерть перехитрив,
Тогда насытить нами лишь двумя
Желудок алчный доведется ей.
Но ежели жестоким ты сочтешь
И тяжким, неразлучно быть со мной,
Любя, общаясь, видясь день за днем,
Воздерживаться от законных прав
Любви, от брачных сладостных объятий,
И безнадежно подле существа,
Сгорающего от взаимных чувств,

Желаньями томиться, что ничуть
Не меньше беда и маета,
Чем кары предстоящие, давай
Покончим разом и освободим
Себя и семя наше ото всех
Грозящих ужасов, отыщем Смерть,
А не найдем ее исполним долг
Руками собственными над собой.
Зачем дрожать от страха и в конце
Стать жертвой Смерти, если к ней пути
В избытке? Мы кратчайший изберем,
Разрушив разрушеньем разрушенье!"

Так высказалась Ева, или речь
Дальнейшая оборвана была
Отчаяньем. Столь пристально она
О Смерти думала, что свежий цвет
Ланит ее смертельно побледнел.
Но Евины советы не могли
Поколебать Адама, вознесясь
Гораздо прозорливейшим умом
К надеждам лучшим, он ей возразил:

"Твое презренье к жизни и тщете
Утех телесных некие черты
В тебе являют, и они стократ
Достойней, благороднее вещей,
Тобю презираемых. Но мысль
О саморазрушенье перевес
Твой губит не презрение лежит
В ее основе, но тоска и страх
Утраты жизни и усладных благ,
Тобой ценимых. Если ты исход
Желанный в Смерти видишь, возмечтав
Избегнуть приговора, знай, что Бог,
Без спору, наказующую длань
Предусмотрительно вооружил,
И от возмездья нам уйти нельзя
Подобным способом, но я боюсь,
Что Смерть похищенная не спасет
От присужденной кары, и Господь,
Прогневясь пуще, Смерть устроит в нас
Еще при жизни. Нет, изобретем
Решенье лучшее! Сдается мне,
Его нашел я, вспомнив приговор
И тщательно обдумав те слова,
В которых нам предсказано, что Змия
Глава сотрется семенем Жены.
Ничтожная награда, если здесь
Не мыслится, как я сообразил,
Великий наш противник Сатана,
В обличье Змия обольстивший нас.
Главу его стереть! Вот это месть
Достойная! Но мы ее навек
Лишимся, если руки на себя
Наложим иль бездетность изберем,
Как предлагаешь ты, избегнет Враг
Возмездья, присужденного ему,
А с нас, виновных, взыщется вдвойне.
И так не будем больше говорить
О самочинной смерти, о бесплодье
Намеренном, которое надежд
Лишает, нетерпеньем отдаст,
Враждой, досадой, спесью, мятежом

Противу Бога и Его Суда,
Противу справедливого ярма,
На нас возложенного. Вспомяни,
Сколь милостиво нам Господь внимал
И сколь безгневно, безукорно Он
Судил! Уничтоженья ждали мы
На месте, придавая смысл такой
Понятью Смерти, что ж произошло?
Тебе он муки тягости предрек
И чадородия, но эта боль
Вознаграждается в счастливый миг,
Когда, ликуя, чрева твоего
Ты узришь плод, а я лишь стороной
Задет проклятьем, проклята Земля,
Я должен хлеб свой добывать в трудах.
Что за беда! Была бы хуже праздность.
Меня поддержит труд и укрепит.
Господня благодать безо всяких просьб
О нас промыслила: чтоб нам вреда
Ни холод, ни жара не нанесли,
Всевышний, недостойных пожалев,
Своею дланью в день Суда одел.
А если мы к Нему прильнем с мольбой,
С вниманьем большим Он отверзнет слух
И сердце к состраданию преклонит.
Он способы премудро преподает,
Как нам суровость годовых времен
Перенести, укрыться от дождя,
От града, льда и снега, вот уже
Небесный свод на разные лады
Их шлет на гору нашу, между тем
Порывами сырые ветры веют,
Взметнув зеленокудрую листву
Развесистых деревьев: верный знак,
Что надо отыскать уютный кров
И обрести тепло, дабы согреть
Немеющие члены и пока
Нас не покинуло на произвол
Ночного холода светило дня,
Лучи его собрав и отразив,
Им в снедь дадим сухое вещество,
Иль воздух попытаемся поджечь
Соудареньем или треньем двух
Предметов, по примеру облаков,
Вступивших в битву, или грудь о грудь,
Порывом ветра сшибленных сейчас
И породивших молнийный огонь,
Что, вкось низринувшись, воспламенил
Сосны и пихты смольную кору,
И это пламя шлет издалека
Приятное тепло и в силах греть
Не хуже солнца, пользоваться им
И средствами другими, исцелить
Способными или исправить зло,
Что наши прегрешенья навлекли,
О милости молящих, нас Господь
Наставит. Мы, при помощи Творца,
Удобствами такими овладев,
Без страха сможем нашу жизнь прожить,
Пока последний не вкусим покой
И отойдем во прах, родной наш дом.
Всего же лучше воротясь опять
К судилищу, благоговейно пасть
Пред Богом, о прощенье умолять,

Покорно исповедуя вину,
И землю изобильно оросив
Слезами, воздух вдохами сердец

Унылых сокрушенно огласить,
В знак непритворности и глубины
Смирения и скорби неизбывной!
Он сжалится над нами, сменит гнев
На милость. Ведь когда, казалось, Он
Негодовал и был особо строг,
Что выражал Его приветный взор,
Как не участие, кротость и любовь?"

Так Пращур, каясь, молвил и ничуть
Не меньше Ева каялась, потом
Пошли туда, где их Господь судил,
Униженно пред Ним простерлись ниц,
Покорно исповедали вину
И землю оросили током слез,
Окрестный воздух вздохами сердец
Унылых сокрушенно огласив,
В знак непритворности и глубины
Смирения и скорби неизбывной.